

данской ответственности исследователя. Работы русских ученых XIX в. дают представление об этической, нравственной составляющей первых социологических работ по проблемам детства, показывают большой спектр социальных проблем детства в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каптерев П. Ф. Развитие семейных чувствований в связи с историей семьи // Образование. 1899. № 1. С. 114-139; № 2. С. 19-42.
2. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в шестнадцатом и семнадцатом столетии. СПб.: Тип. К. Вульфа. 1860. 214 с.
3. Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устой. 1882. № 1. С. 90-132; № 2. С. 63-107.
4. Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народного творчества. Отдельный оттиск из филологических записок. Воронеж: Тип. В. И. Исаева. 1892. 63 с.
5. Каптерев П. Ф. Прислуга как воспитательница господских детей // Воспитание и обучение. 1894. № 2. С. 65-85.
6. Кулишер М. Очерк истории обращения с детьми // Слово. 1878. № 11. С. 115-143.
7. Смирнов А. Современные идеалы воспитания // Православный собеседник. 1896. июль-август. С. 472-491.
8. Языков Н. Чего ожидать от воспитания? // Дело. 1877. № 2. С. 54-73.
9. Гольцев В. А. Об основных идеях нашего века // Русская мысль. 1893. Кн. 1. С. 57-63.
10. Краинский В. А. Семья и государство. Киев: Тип. К. Н. Милявского, 1876. 192 с.
11. Каптерев П. Ф. Дети конца XIX века // Воспитание и обучение. 1894. № 4. С. 171-182.
12. Чернов Д. И. Дитя в первые годы жизни // Учитель. 1861. № 1-12; № 13. С. 478-482.
13. Михайлов А. Отношение человека к детям // Дело. 1877. № 2. С. 73-105.
14. Ленский Б. П. Товарищество и его социально-этическая роль в воспитании // Семья и школа. 1878. № 1. Кн. 2. С. 1-17.
15. Гейфельдер О. Детские игры // Учитель. 1861. № 24. С. 987-995.
16. Е. Ф. Значение игр для истории // Свет. 1879. № 12. С. 416-423.
17. Скворцова С. Духовная жизнь гимназисток по литературным журналам, изданным гимназистками // Вестник воспитания. 1896. № 3. С. 117-129.
18. Сикорский И. А. Сборник научно-литературных статей по вопросам общественного воспитания и нервно-психической жизни. Киев; Харьков: Южнорус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1899. Кн. 1. 258 с.; Кн. 2. 336 с.; Кн. 3. 227 с.; Кн. 4. 274 с.; 1900. Кн. 5. 234 с.
19. Тарновский Е. Н. Преступность малолетних в Западной Европе и России // Журнал Министерства Юстиции. 1899. № 7. С. 1-92; № 9. С. 1-42.
20. Фудель И. И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной жизни. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. 177 с.

*Галина Михайловна ЗАБОЛОННАЯ —
доцент кафедры политологии
факультета истории и политических
наук, кандидат философских наук*

УДК 316

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

АННОТАЦИЯ. Автор анализирует современные социологические подходы в рассмотрении природы и функций доверия, исследует факторы, определяющие возрастание значимости этого феномена в жизни современного общества.

The author analyses recent sociological approaches to the nature and functions of «trust» and considers factors that determine the growing importance of this phenomenon in contemporary society.

Одним из важнейших факторов, определяющих характер не только межличностных, но и в целом всех социальных отношений, является доверие. Оно непосредственно «вплетено» в механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность общества. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации разделения труда, но «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе» [1: 7].

К проблеме доверия в разное время обращались такие мыслители прошлого, как Г. Гроций, Дж. Локк, И. Кант и Э. Дюркгейм. Доверие рассматривалось ими в контексте анализа «договорного» начала общественных отношений. Тема доверия проходит через социологические теории, рассматривающие общественные связи как социальный обмен (П. Блау, Дж. Хоманс). В той или иной форме к этой проблеме обращался Т. Парсонс. Так, по мнению американского социолога, социетальная самодостаточность (сохранение обществом себя как системы) должна быть обеспечена стабильным характером отношений взаимообмена как с физической средой и другими системами, так и особыми устойчивыми отношениями личности и общества. «Общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может «полагаться» на то, что деяния его членов будут служить адекватным «вкладом» в его социетальное функционирование», — пишет он в книге «Система современных обществ» [2: 21]. Общество «полагается», другими словами — «ожидает» (ожидание включает в себя момент неопределенности, отсутствие полной уверенности), что его члены будут добросовестно выполнять свои роли, следовать «нормативно определенным обязательствам», таким образом реализуя себя в качестве членов этого общества. Если трактовать доверие как ожидание взаимности в осуществлении каких-либо действий, то в концепции Т. Парсонса доверие — одно из условий, обеспечивающих общественную стабильность. В социологической теории Парсонса, проблема доверия рассматривается в рамках его концепции взаимообменов ресурсами между подсистемами общества. В частности, во взаимообменах с подсистемой интеграции политика обменивает обязательства эффективной реализации коллективных целей на доверие социетального сообщества. Доверие избирателей выступает своеобразным кредитованием политики.

Социальные и политические перемены, вызванные процессами модернизации современных обществ, появление очагов нестабильности на посткоммунистическом пространстве активизировали научный интерес к доверию как принципу конструирования социальных отношений. Ряд известных обществоведов обратились к исследованию природы доверия в новом общественном контексте. Среди них — Б. Барбер, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен, С. Айзенштадт, П. Штомпка.

Значимость фактора доверия в поддержании социального порядка становится очевидной, если рассматривать социальные взаимодействия как обмен услугами, ценностями (ресурсами). Выполнение взаимных обязательств может закрепляться договорами и гарантироваться санкциями. Но далеко не все взаимоотношения принимают оформленные «договорные» формы (последние распространены, прежде всего, в сферах экономики и политики). Как указывают социологи, большая часть обменов в рамках семейных, партнерских, соседских, товарищеских и других отношений построена на механизмах доверия к партнеру, честности, дружбы и взаимной ответственности. Кроме того, как совершенно справедливо отмечает А. Г. Эфендиев, какими бы жесткими не были бы и сами договорные формы обмена (подобные фор-

мы прежде всего присутствуют в экономической и политической сферах), они также базируются на таких нежестких материях, как ожидание и доверие. «Основная масса обменов между людьми в обществе, — продолжает он, — осуществляется *в кредит, на основе риска, ожидания взаимности и доверия*» [3: 172-173].

Можно говорить о функциональности доверия в разных аспектах — личностном и общественном. В первом случае доверие удовлетворяет базовые человеческие потребности, и прежде всего потребность индивида в онтологической безопасности, обеспечивая социальное и психологическое благополучие индивида при взаимодействии с внешней реальностью. Так, западный психолог Т. Говир определяет доверие как уверенность в том, что окружающий мир и его обитатели не намерены причинить вред [4: 94]. Сделаем уточнение. Доверие все же не тождественно уверенности и выступает как полагание, ожидание полезности действий и ситуаций, в которые включен индивид. Для большинства авторов, исследующих эту проблему, доверие выступает своеобразной реакцией индивидов на неопределенность повседневной жизни. «Мы можем определить «безопасность» как такую ситуацию, в которой определенный комплекс опасностей нейтрализован или минимизирован. Опыт безопасности обычно опирается на баланс доверия и приемлемого риска», — пишет британский социолог [5:54]. Сохранение «приемлемого риска» в отношениях доверия объясняется наличием некой неопределенности в том, что ожидания возможных действий со стороны других людей или институтов будут реализованы в полной мере. Близкую мысль развивает и польский социолог П. Штомпка. В его трактовке доверие — это ставка на будущие возможные действия других людей. Оно позволяет смягчить ощущение непредсказуемости будущего путем его понимания как чего-то данного [6:196].

Обращаясь вновь к концепции Э. Гидденса, отметим, что сам социолог выдел два вида доверия: доверие к людям, которое построено на личностных обязательствах (назовем это тип персонифицированным), и доверие к абстрактным системам (анонимным другим), предполагающее безличностные обязательства. Под абстрактными системами он понимает символические знаки (например, деньги как инструмент обмена, средства политической легитимации) и экспертные системы — системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие наше материальное и социальное окружение [7:5]. Последний тип доверия, по мнению социолога, формируется в современную эпоху. Следуя за логикой рассуждения Э. Гидденса, отметим, что поле доверия охватывает не только межличностные, но и политические, экономические отношения, распространяется на институты и организации, на символическую систему и на социальный порядок в целом. Так, например, можно доверять принципам демократии, правительству, государственному страхованию, национальной валюте, научному и профессиональному знанию. Сам британский социолог отводит разные функции разным видам доверия. Именно доверие к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе «позднего модерна» — обеспечивает ощущение надежности повседневных отношений. Персонифицированное же доверие, понимаемое им как сотрудничество, взаимная ответственность и уверенность в честности другого, «служит главным источником чувства честности и аутентичности себя самого» [Цит. по: 8:12]. Другими словами, через механизм доверия минимизируется угроза, говоря словами Гидденса, «утраты личностного смысла» [9:11]. Солидаризуясь с этим утверждением известного социолога, будем рассматривать доверие в контексте удовлетворения таких базовых человеческих потребностей, как потребность самоактуализации, потребность в устойчивых отношениях дружбы, потребность в уважении и достоинстве, потребность в идентичности (принадлежности к какой-либо общности). В то же время отметим, что и персонифицированные разновидности доверия, как и неперсонифицированные, призваны придать обыденной жизни стабильный и надежный характер. Практика показывает, что доверие к абстрактным системам не может заменить значимость для человека персо-

нифицированного доверия, построенного на чувстве солидарности, симпатии и дружбы. Более того, когда общество сталкивается с «синдромом недоверия» (термин известного польского социолога П. Штомки) к политическому режиму, экономической и общественной системе в целом (подобная ситуация наблюдается практически на всем посткоммунистическом пространстве), альтернативным выходом для человека становится доверие в рамках товарищеских отношений и примордиальных (изначальных) социальных групп: семьи, этноса, религиозной общности и др. В то же время, дополняя друг друга и вплетаясь в культуру общества и личности, персонифицированное и неперсонифицированное доверие образует новое качество — базовое доверие [10].

Остановимся на общественных функциях доверия. Прежде всего, доверие следует рассматривать как один из факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества. Рассмотрение доверия в этой проекции указывает на его роль в конструировании горизонтальных и вертикальных общественных отношений. В первом случае доверие участвует в формировании групповых идентичностей (осознание общей причастности к какому-либо коллективу, сообществу), новых отношений сотрудничества и солидарности, разнообразных форм гражданских ассоциаций (общественные и инициативные движения, политические партии, клубы интересов, этнические ассоциации, религиозные деноминации, группы взаимопомощи и др.). Хотя гражданские ассоциации могут быть построены с учетом разных организационных принципов, членство в них определяется общими представлениями, добровольностью в принятии определенных обязательств и взаимным доверием. Тем самым доверие способствует воспроизведению особого феномена — социального капитала. Понятие «социальный капитал» было введено в научный дискурс П. Бурдьё, Г. Лоури, Дж. Коулменом, Р. Патнэмом и Ф. Фукуямой. В понимании двух последних исследователей доверие есть социальный капитал и непосредственная основа построения последующих общественных отношений. В частности, Р. Патнэмом было развито положение, что именно социальный капитал, проявляющийся в вовлеченности индивидов в общественную жизнь, является основой развития эффективных ассоциаций гражданского общества, которое, в свою очередь, способно положительно повлиять на благосостояние населения. Хотя эта концепция, в частности ее методологическая и эмпирическая база, вызвала неоднозначную реакцию в научной среде, нельзя не согласиться с тем, что социальный капитал, основным компонентом которого выступает доверие между индивидами, является необходимым условием того, «чтобы демократия сработала» (именно такое название носит книга Р. Патнэма). Речь идет о развитии культуры «ассоцианизма», укрепляющего гражданское общество и делающего его способным к равноправному диалогу с государством.

Отметим еще одну важнейшую функцию доверия в современном мире — функцию упорядочивания и уравнивания социальных и культурных разнообразий. Плюрализм современных обществ находит выражение в фрагментации стилей жизни и культур, в разрушении старых форм социальных идентичностей и актуализации новых. Это стремление к многообразию стало своеобразным ответом на процессы унификации культуры и образа жизни как естественного проявления процесса глобализации современного мира. Именно этим стремлением к сохранению культурной самобытности и индивидуальности можно объяснить наблюдаемый практически повсеместно рост групповой солидарности и отношений взаимодоверия на основе таких критериев самопричислений, как этничность, религия, пол, стиль жизни, общность разделяемых эстетических взглядов и оценок действительности. Эту особенность современного развития констатируют многие известные социологи, определяя ее как конфликт между всеобщим и единичным. Так, Н. Смелзер, считает, что в подобной форме проявляет себя революция в солидарности и самобытности, Дж. Нэсбит — «новый триумф индивидуального». В трактовке С. Кастелза, поиск партикулярист-

ской идентичности есть реакция индивидов на воздействие глобальных сил и попытка противостояния «сетям абстрактного универсализма» [11:27]. И так, социально-культурное пространство современных обществ стало более мозаичным. Проблема заключается в том, что отдельные индивиды и группы могут ощущать себя «чужими», ежедневно сталкиваясь с культурным разнообразием. Отсюда возможен рост недоверия, ксенофобии и проявлений враждебности к другим группам. Следовательно, развитие «доверия к инаковости» является тем фактором, который призван уравновешивать различия и гарантировать отношения сотрудничества между разными группами. Тем самым доверие выступает в качестве необходимого компонента отношений толерантности. Толерантность — это не только признание различий и нейтральность по отношению к ним, но и уважение этой «инаковости». Признавая за другими право на непохожесть, право на свободу проявлений своеобразия в обычаях и верованиях, в стиле жизни, в ценностных ориентациях, мы одновременно полагаемся (доверяем) на другую сторону в том, что и она будет также признавать за нами аналогичные права.

Не менее важные функции играет и доверие в конструировании вертикальных общественных отношений. В частности, оно непосредственно вплетается в механизм легитимации властного авторитета, обеспечивая социальную базу поддержки институтов власти и проводимого ими политического и экономического курса. Как известно, основной процедурой легитимации власти в условиях демократии являются выборы. Сама ситуация выборов выступает как обмен социальной поддержки граждан на будущие решения власти. Авансируя доверие конкретным политикам и отказывая в поддержке другим, избиратель идет на определенный риск. Но этот риск, в понимании избирателя, есть средство минимизации опасений, неуверенности в отношении будущего.

Для социологов, исследующих эту проблему, очевидность актуальности проблемы развития базового доверия связана с особенностями нынешнего этапа общественного развития. Во-первых, существенно изменилась природа доверия. Поведение современного человека в меньшей степени детерминировано внешними санкциями, традициями и безусловными авторитетами. Источником доверия в современном обществе уже не могут, как прежде, выступать родственные и религиозные связи. Природа доверия в современном обществе кроется в добровольном желании людей поступать в соответствии с ожиданиями других. Во-вторых, возросшая потребность в доверии определяется тем, что, несмотря на технический прогресс и существенное приращение знания о мире, общество остается «обществом риска». Идею риска как черту современного общества впервые обозначил германский социолог У. Бек, а затем развил Э. Гидденс. Поясняя свою мысль, Э. Гидденс, в частности, пишет, что это отнюдь не означает, что жизнь стала более рискованной, чем прежде. Но представление о риске «начинает играть центральную роль при выработке решений, касающихся социального окружения...» [12:42]. Доверие выступает конструктивной формой реакции на риск. Вместе с тем можно говорить и об умножении областей проявлений неопределенности и риска. В частности, проблема доверия актуализируется следующими обстоятельствами:

1. Угрозы войн, терроризма, экологические риски.
2. Возросшая сложность общества как следствие углубления структурной и ролевой дифференциации. Множественность ролевых и структурных состояний усложнила социальные связи индивида и увеличила количество потенциальных контактов с другими людьми и институтами.
3. Плюрализация социальных ролей, выполняемых индивидом в современном обществе. Чем больше индивиды берут на себя ролевых обязательств, тем в меньшей степени может быть гарантировано их качественное исполнение. Возросшая вероятность конфликта между ролевыми ожиданиями и ролевым поведением, по замеча-

нию американского социолога А. Селигмена, ограничивает степень уверенности в реализации ролей [13: 73]. Отсутствие абсолютной уверенности в действиях других может быть компенсировано доверием.

4. Увеличение количества структурных элементов и образование более сложных сетей их взаимодействия, в значительной степени обезличенных (анонимных) формируют ощущение непонятности законов, лежащих в основе общественного развития. События кажутся непонятными и непредсказуемыми и, следовательно, таят в себе риск.

5. Возросшая степень свободы человека, которая предполагает не только добровольность в принятии многих социальных обязательств и ролей, но и автономность выбора в том, как они будут исполнены. Например, демократическая система предоставляет человеку право голосовать, но у него есть и право не ходить на выборы (принцип добровольности голосования). Но в последнем случае индивид отказывается выполнять свою важнейшую гражданскую функцию. Отметим, что констатация того, что доверие формируется как реакция на свободу действий других, стало общим для социологов, исследующих эту проблему. На ситуации, где нет свободы выбора в действиях других людей, где их поступки жестко контролируются, доверие не распространяется.

6. Как заметил Э. Гидденс, новый характер риска, актуализирующий доверие, вытекает из плюралистичности современного мира. Эта черта общества «позднего модерна» проявляется в том, что в нем отсутствуют безусловные авторитеты, а социальное бытие индивида представляет собой постоянную ситуацию выбора между возможными альтернативами, предлагаемыми абстрактными системами. Так, например, человек должен с учетом приемлемого риска самостоятельно принять решение о предпочтительности той или иной системы экспертного знания [14:24]. То же можно сказать и о политическом выборе индивида среди конкурирующих идеологий, политических программ партий и лидеров.

Базовое доверие — «хрупкая материя», которая требует постоянного желания и практического подкрепления со стороны всех агентов социального взаимодействия. Нельзя не согласиться с замечанием западного психолога Т. Говира, что в реальной жизни невозможно следовать нравственной заповеди абсолютного доверия, поэтому базовое доверие проявляет себя как тенденция, противостоящая разумной доле неуверенности [15: 95]. Расширение поля недоверия как в горизонтальных общественных отношениях, так и вертикальных влечет за собой серьезные социальные проблемы — от различных форм напряженности и отчуждения до открытых конфликтов. Такими же индикаторами климата общественного недоверия являются массовая эмиграция, «бегство» капиталов, «долларизация» страны (выражение недоверия к национальной валюте), самоизоляция в закрытом мире семьи или каких-либо других узких групп. В сфере вертикальных взаимоотношений индикаторами недоверия являются абсентеизм (отказ от участия в выборах), сокращение социальной базы поддержки институтов власти, акции протеста против официального политического и экономического курса. Наконец, неуверенность в эффективности официальных структур и институциональных процедур приводит к расширению так называемой серой зоны. Это понятие употребляют для обозначения области использования неформальных практик, несмотря на их противозаконный или полуполюгальный характер [16:69]. Взятки, блат, бартер, «крыша» — формы проявления квазидоверительных отношений, компенсирующие отсутствие базового доверия.

В заключение отметим, что преодоление «синдрома недоверия» определяется сочетанием многих факторов, важнейшими среди которых являются развитие демократических основ общественной жизни, преодоление экономического кризиса, повышение нравственной и гражданской культуры населения и ответственности самой власти.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Селигмен А. Проблема доверия / Перевод с англ. М.: Идея-Пресс, 2002.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Перевод. с англ. М.: Аспект Пресс, 1998.
3. Эфендиев А. Г. Социальные взаимодействия: формы, типы и принципы регуляции / / Общая социология: Учебное пособие / Под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 165-213.
4. Говир Т. Недоверие как практическая проблема // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 3. С. 94-98.
5. Фурс В. Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2001. №1. С. 44-73.
6. Sztompka P. Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society // Real Civil Society. Dilemmas of Institutionalization / Ed. by J. C. Alexander. Guildford, Surrey: Biddles Ltd., 1998. P. 191-210.
7. Гидденс Э. Последствия современности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 2. С. 3-13.
8. Селигмен А. Указ. соч.
9. Гидденс Э. Указ. соч.
10. Понятие «базовое доверие» было введено американским психологом Э. Эриксоном и широко используется обществоведами. В интерпретации самого психолога разрешение дилеммы базового доверия/недоверия к окружающему миру является важнейшим фактором становления личности. См.: Ерасов П. Б., Калькова В. Л., Якимова Е. В. Теория поведения и практика социальной работы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 3. С. 79.
11. Кастелз С. Глобализация и миграция: некоторые очевидные противоречия // Международный журнал социальных наук: Социальные трансформации: поликультурные и полиэтнические общества. 1998. № 23. С. 23-32.
12. Калькова Л. В. Концепция современности Энтони Гидденса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 2. С. 35-43.
13. Селигмен А. Указ. соч.
14. Гидденс Э. Современность и самоидентичность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 2. С. 14-27.
15. Говир Т. Указ. соч.
16. Более подробно о «серой зоне» см.: Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. 2002. № 4. С. 66-85.

Владимир Геннадьевич БОГОМЯКОВ —
 зав. кафедрой политологии
 факультета истории и политических
 наук, доктор философских наук,
 профессор

УДК 32.001

О КАЧЕСТВЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются проблемы современного политологического знания; его методологические и социально-этические аспекты. Выявляется фундаментальная значимость онтологической свободы личности.

The author analyses some problems of contemporary political knowledge focusing upon methodological, social and ethical aspects and revealing the fundamental significance of ontological freedom of a person.